

СВИДЕТЕЛЬСТВО И РАССКАЗ

Запись выступления Хулиана Каррона перед региональной диаконией

движения «Общение и освобождение»

Милан, 25 февраля 2014 г.

Зададим себе вопрос: помогает ли нам школа общины, посвященная восьмой главе книги «У истоков христианского притязания», принимать вызовы, которые открываются нам, и выносить о них суждение? Возможно ли в свете школы общины переживать обстоятельства, осознавая по-человечески весь драматизм существования?

Первое, о чем должен спросить себя каждый перед лицом окружающей нас реальности, – какого рода побуждения она в нас вызывает. Ведь реальность всегда побуждает нас к чему-то, и мы можем принимать ее провокации либо во всей их значимости, либо в урезанном виде. Каждый из нас по-разному откликается на одни и те же вызовы. И таким образом пытается ответить. Совершая любое действие – личное или общинное – человек задается вопросом о том, на что отвечать стоит, а на что нет. Недостаточно утверждать, будто реальность провоцирует меня, чтобы достичь некой объективности, раскрывающей «я» другого человека и возрождающей отношения. Именно тут каждый из нас, независимо от того, каких мнений мы придерживаемся, проверяет, способен ли его ответ на вызовы реальности действительно отвечать на проблему, провоцирующую его, бросающую ему вызов.

С этой точки зрения, школа общины является наглядным примером такой динамики. Даже для Иисуса реальность представляла вызов: «Они как овцы без пастыря» (*Мф 9, 36*), – говорил Он о народе, о людях, которые не понимали смысла самих себя, своей личности. И весь Его ответ был попыткой ответить на этот вызов. Вот в чем смысл восьмой главы: вся она – ответ отца Джуссани на вопрос о том, кто такой Иисус.

Я призываю каждого из вас проверить, учитываем ли мы, отвечая на провокации реальности, все факторы, перечисленные в восьмой главе. Если бы действительно принимали ее в серьез, то начали бы замечать, учитывает ли наш ответ все факторы. И могли бы понять, в состоянии ли он вновь пробудить личность к жизни в условиях реальности.

Очевидно, что в нашей истории – и нам сейчас не обязательно даже пересмотреть ее всю – мы различными способами пытались отвечать на вызовы. И отец Джуссани всегда сопровождал и поправлял нас. На события 1968 года мы попробовали ответить во время конгресса, проведенного в 1973-м во дворце спорта «Палалидо» (это если очень коротко). Тогда по поводу нашего ответа отец Джуссани сказал: такая позиция является полностью реактивной, она не в состоянии дать сообразного ответа на вызов. Мы разделяли с протестующими их желание освободиться, но этого не было достаточно для сообразного ответа. Вот почему на Дне начала года мы вернулись к суждению, вынесенному отцом Джуссани в 1976 году (*См. Как рождается Присутствие?*).

А когда в 1982-м вышел первый пасхальный плакат Движения с заголовком «Христос – компания, которую Бог составляет человеку», все буквально побелели – хотя уже в 1976-м вещи казались такими очевидными. Послушайте, что говорит отец Джуссани: «Мы на протяжении десяти лет

работали над христианскими ценностями, забыв о Христе, не познавая Христа» (*Uomini senza patria. 1982–1983. Bur, Milano, 2008. P. 88–89*). Все мы могли думать, что следуем за Христом, но отец Джуссани предупреждает: это не так! На этой неделе по случаю годовщины смерти Джуссани один из телеканалов показал видео, в котором журналист задает ему вопрос: «Что необходимо дать молодежи? Ценности?» И тот отвечает: «Нужно передать им не только ценности, но прежде и превыше всего – потребность в конечном смысле, потому что если не воспринимать ценности как отзвук конечного смысла, они оставляют людей равнодушными и годятся разве что для проектов неполноценных, политических». При этом совсем не обязательно заниматься «политикой»: когда ответ неполноценен, человек во всем, что делает, неизбежно становится политиком.

Поэтому, когда отец Джуссани предложил нам плакат, говорящий о Христе, это стало как бы возрождением истоков, возвращением к истокам Движения. Отец Джуссани осознал: в том, чем мы занимались, было нечто не соответствовавшее более истоку. Даже в следовании за Движением, в ответах на вызовы жизни (а не в «отсиживании» дома у камина) выявлялась утрата истоков. «Плакат стал своего рода возрождением истоков, возвращением к истокам Движения», в то время как то, благодаря чему Движение возникло, воспринималось уже как нечто само собой разумеющееся. (*Там же. P. 27*). «Плакат вновь предложил исток <...>, вновь предложил Движение в изначальный его момент» (*Там же. P. 61*) Теперь вы видите, что не всякий ответ на вызов сообразен ему, – наша история непрестанно нас этому учит.

А потом, после проведения референдума о разводе и абортах, что сделал отец Джуссани? Продолжал упорствовать в битве или же переместил все внимание на развернутую властью борьбу с умалением желания, поскольку без желания не существует личности? По той же причине он настаивал, что власть, превознося ложь, превратив ее в свой инструмент, умалит желание, стремится умалить его. Умаление желания и контролирование определенных потребностей являются оружием власти. И это, по его словам, превратилось в господствующий менталитет: мы можем защитить ценности, одновременно умалив желания.

Поэтому перед лицом подобных явлений, в которых было видно, как сходило на нет «я», не позволявшее бросать вызов всей своей глубине, отец Джуссани говорил об «эффекте Чернобыля», чтобы сказать каждому из нас: «Больше как будто не существует никакой реальной очевидности, кроме той, что в моде, ведь мода – проект власти» (*L'io rinasce in un incontro. 1986–1987. Bur, Milano, 2010. P. 182*).

Отец Джуссани определяет и два следствия: 1) христианская жизнь трудом убеждает; 2) «в противодействие люди прячутся в компании, как за броней» (*Там же. P. 181*).

Тут-то и обретает все свое значение (как раз в силу того, что отвечает на вызов) его утверждение, сделанное в 1987 году: «Личность вновь находит саму себя в живой встрече» (*Там же. P. 182*). Это не духовная фраза, не отговорка, позволяющая не отвечать на вызовы. Вопрос в том, как нам пребывать в реальности, чтобы происходило пробуждение «я», без которого власть может позволить нам продвигаться вперед в борьбе за ценности, одновременно опустошая нас изнутри. И поэтому нет более реалистичного описания сути человека, чем то, которое приводится в восьмой главе книги «У истоков христианского притяжения». Благодаря ему становится ясно, кем является Христос, и мы видим, как любая иная попытка кажется порой ответом на один из аспектов проблемы, но ответ этот не христианский, а потому не способный ответить на весь драматизм, присущий человеку.

Восьмая глава воспеваает такое понимание, такой взгляд, без которого мы никогда не сделаем – как бы ни старались – ничего, что действительно отвечало бы на драматизм ситуации. Вот почему в школе общины говорится: «Только божественное может “спасти” человека, то есть [все] истинные и сущностные измерения человеческой личности и ее судьбы» (*У истоков христианского притязания. С. 111*). Лишь Присутствие в силах направить инстинктивность к цели и стать ответом на человеческий беспорядок. «Кто избавит меня от сего тела смерти?» Этот вопль, по словам отца Джуссани, для человека есть единственное основание отнестись серьезно к предложению Христа. И поэтому восьмая глава – это не лекция о духовности или нравственности! Она свидетельствует о том, кто такой Христос, ведь «христианская религиозность возникает как *единственное условие человечности* <...> без которой всякое притязание разрешить [человеческую] проблему обращается в ложь (*Там же. С. 116,133*).

Вы должны хорошо понимать, что сейчас не достаточно повторить эту фразу или заменить ее на другую, не достаточно суетиться. Нет, каждому из нас в том месте, где он находится, необходимо проверить, приносит ли сказанное пользу в жизни – нашей и других людей, в столкновении со всеми драмами, с помощью которых жизнь, используя окружающих, ежедневно бросает нам вызов; необходимо проверить, в состоянии ли сказанное ответить на жизненные провокации. Если мы этого не осознаем, всех наших суетных телодвижений не хватит. И власть позволяет нам их совершать – ведь, в конце концов, законы устанавливает именно она! Если личность не пробуждается, если ее не пробуждать, то крайне сложно не позволить любым другим заботам завладеть нами. Это не значит, что не следует выступать с инициативами, – но, если «я» не пробуждается, нас ждут постоянные поражения.

Здесь можно было бы снова сказать: «Перед определенными вызовами необходимо действовать!» Необходимо, прежде всего, оценивать масштаб проблемы. Если мы лечим опухоль парацетамолом, это ведь тоже можно считать ответом на вызов – но насколько адекватным? Масштаб проблемы, описанный в восьмой главе столь велик, что «парацетамол» недостаточно. Лишь принимая во внимание масштаб проблемы, можно понять, какое действие будет соразмерным. И тогда становится ясно, почему отец Джуссани так настаивал на персонализации веры: нельзя сказать, что он не был при этом реалистом и не признавал вызовов реальности!

Если мы не выносим из всего вышесказанного урок, то повторяем попытки, которые сами по себе уже доказали свою провальность: ведь стремление просветителей защитить ценности без Христа не является христианством – это только Кант. Просвещение не хотело устранять христианских ценностей и ошибочно полагало, что их можно переживать и сохранять без Христа.

Школа общины вносит поправку именно на этом уровне: человеческое измерение и его ценности не могут спастись без измерения божественного. Лишь божественное в состоянии сохранить все измерения человеческой личности – мы с вами это видим. Спасти ценности без Христа... Я понимаю, что Кант об этом думал, но меня поражает, как и мы думаем о том же, имея перед глазами результат истории, порожденной Просвещением и тревожащей нас. Мы сейчас наблюдаем не что иное, как подтверждение безнадежности попыток утверждать ценности без Христа. Уж простите, меня поражает наша способность задумываться над тем, чтобы вновь предлагать вещи, исторически доказавшие свою несостоятельность. И все потому, что в конечном итоге и в нас преобладает господствующий менталитет – способ мышления просветителей, способ мышления всех. Но это не Движение!

Либо мы вновь обратимся к истоку, учитывая все его измерения, которые открывает перед нами школа общины, либо мы останемся в мире полным нулем – а это означало бы, что власти удалось умалить потребности «я» и она будет использовать нас в своих целях. Не надо забывать: мы все отталкивались от совершенных законов, но за какие-то несколько десятилетий их словно ветром сдуло! Это исторический факт – он может злить нас или нет, но наше недовольство его не изменит. И если мы повторяем ходы, подтвердившие свою безнадежность, нам можно посочувствовать!

Таким образом, значение восьмой главы является решающим – ведь она предлагает нам цельный и реалистичный взгляд на реальную ситуацию, в которой находится человек, и определяет точку, с которой можно заново начинать путь. Показательно, что папа Франциск в интервью, данном периодическому изданию «*La civiltà Cattolica*», сказал: «Мы не можем настаивать исключительно на вопросах, связанных с абортom, однополыми браками и использованием методов контрацепции. Это невозможно. Я не останавливался на них подробно, в чем меня и упрекнули. Но, если уж говорить, то в рамках определенного контекста. Мнение Церкви известно, а я сын Церкви, но не обязательно без перерыва говорить об этом. <...> Не все наставления – как догматические, так и нравственные – равнозначны. Пастырская миссия не должна быть одержима передачей множества плохо проговоренных доктрин, утверждаемых с настойчивостью. Миссионерское послание сосредотачивается на том, что сущностно, на том, что необходимо, и одновременно на том, что пробуждает пламенное устремление и привлекает более всего остального, благодаря чему сердце способно гореть, как у учеников по дороге в Эммаус. Поэтому нам нужно установить новое равновесие, в противном случае даже нравственное здание Церкви рискует рассыпаться, словно картонный домик, потерять свежесть и благоухание Евангелия. Евангельское предложение должно быть проще, глубже, ярче. Именно из такого предложения рождаются затем и нравственные следствия» (А. Спадаро. *Интервью с папой Франциском. La Civiltà Cattolica, III/2013. P. 463–464*). В свете этой озабоченности Святейший Отец подчеркивает в обращении «*Evangelii Gaudium*»: «Главная проблема обнаруживается, когда провозглашаемая нами весть как будто отождествляется с теми второстепенными аспектами, которые, хотя и являются значительными [второстепенные не значит незначительные], сами по себе не открывают суть послания Иисуса Христа. Следовательно, стоит быть реалистами и не считать, что наши собеседники по умолчанию знают во всех деталях контекст того, о чем мы им говорим, и могут связать наши речи с самой сердцевиной Евангелия, которая наделяет его смыслом, красотой и притягательностью» (34). Думаете, отец Джуссани не подписался бы под каждым словом?

Когда в 2004 году Джуссани написал Иоанну Павлу II, что просто хотел вновь предложить «элементарные аспекты христианства, то есть пламенную любовь, заключенную в элементарных аспектах христианского факта, – не более того» (*Tracce. Aprile, 2004. P. 2*), он говорил то же, что и Франциск. Достаточно вспомнить одну из первых брошюр, выпущенных Движением, «Следы христианского опыта» (*Tracce di esperienza cristiana*) – нет ничего проще.

Прочту еще один отрывок из «Evangelii Gaudium»: «Возвещение сосредотачивается на том, что сущностно, на том, что прекрасней, больше, притягательней и одновременно необходимей всего остального. Предложение упрощается, не теряя при этом глубины и истинности, и, таким образом, становится более убедительным и сияющим» (35). Подлинный вызов состоит в том, происходит ли нечто подобное – ведь мы были избраны, чтобы свидетельствовать об этом, являть это сияние, способное возродить личность. «Все истины, данные в Откровении, происходят из одного и того

же божественного источника и принимаются с равной верой, но некоторые из них важнее прочих, поскольку позволяют более прямо выразить самую сердцевину Евангелия» (36).

Во время Мессы за отца Джуссани кардинал Скола задался вопросом о том, как мы можем отвечать на все вызовы существования, а затем сказал нам: «Свидетельством и рассказом». Он говорил о свидетельстве жизнью, и мы находим в нашей компании множество примеров того, как жизнь сообщает себя. Вот почему я не раз пересказывал один эпизод, для меня предельно ясный. Он касается женщин Роуз, глядя на которых, мы видим, что даже столь первостепенная ценность, какой обладает человеческая жизнь, может стать неочевидной и лишь в христианской встрече вновь обретает полноту красоты. Поначалу Роуз думала ответить на вызов, брошенный ей болезнью некоторых женщин из Кампалы (СПИДом), с помощью медикаментов. Но очень скоро она убедилась: лекарств не достаточно. Пациентки принимали их несколько раз, а потом бросали, обрекая себя на смерть. Тогда Роуз, понимая, что лишь божественное спасает все измерения человеческой личности, начала говорить им о Христе, и эта весть возродила в женщинах осознание ценности их собственной жизни, охваченной и любимой Тайной. После чего они опять стали принимать лекарства. Такую же динамику мы наблюдали во многих из нас – скажем, в заключенных из Падуи, и она свидетельствуют о способе, с помощью которого мы можем сегодня без всякой двусмысленности защищать жизнь и ее безграничное достоинство.

Мне кажется, крайне важно размышлять над этими вопросами, если мы не хотим сбиться с пути.